ВРАТА К
18
5-ОКТ.
п.
8.й экз.

ЗАВѢТЫ

№ 2

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Красн. Профес.
Инв. № 2005

МАЙ 1912

Р

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Иванъ-Осляничекъ** (Изъ сказаній у Семибратскаго кургана). *М. Пришвина* . . . . . 5—30
2. **Молитва вечерняя**. *А. Черемнова* 31
3. **Пилигримъ**. *А. Черемнова* 32
4. **То, чего не было** (Три брата). Романъ въ трехъ частяхъ (Продолженіе). *В. Ропшина* . . . . 33—55
5. **Сусальный ангелъ**. *Александра Блока* 56
6. **Повеселясь на буйномъ пиръ**... Стихотвореніе *А. Блока*. 57
7. **Около моря** (Этюдъ). *С. Сергѣева-Ценскаго*. . . 58—68
8. **Намъ той-же рати**... Стихотвореніе *С. Парнока*. 69
9. **Дорога**. *Ив. Касаткина* . . . . . 70—90
10. **Помолились** (Разсказъ изъ тунгусской жизни). *Вяч. Шишкова*. . . . . 91—101
11. **Пѣсня про судьбу**. *Николая Клюева* 102
12. **Прохожу ночной деревней**... Стих. *Н. Клюева* . 103—104
13. **Тѣни забытыхъ предковъ**. Повѣсть (Продолженіе). *М. Коцюбинскаго*. Перев. *Ф. Волховскаго*. 105—120
14. **Дума**. *Евгенія Нарова* 121
15. **Мой путь**. *Евгенія Нарова*. 122
16. **Повѣсть о дняхъ моей жизни, радостяхъ моихъ и злоключеніяхъ** (Продолженіе). *Ив. Вольнаго* . 123—144

---

17. **Реформаторы и бунтари въ современной біологіи** (Окончаніе). *В. В. Лункевича* . . . . . 1—29
18. **Быть или не быть общинѣ въ Россіи** (Очерки). *К. Качаровскаго* . . . . . 30—54
19. **Этика и политика** (Очерки). *Виктора Чернова*. 55—86
20. **Македонія и новый режимъ** (Письмо изъ Македоніи). *Станислава Вольскаго* . . . . . 87—103

(См. на оборотъ).

СТРАН.

19. **Дѣла и дни.** *Я. Вѣчева.* . . . . . 104—131
20. **Свое и Чужое** (Русская жизнь). *С. Мстиславскаго.* 132—154
21. **Текущая жизнь** (Обзоры и замѣтки) . . . . 155—189
22. **Библіографія.** И. Эренбургъ. Одуванчики.—Н. Шаховская В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики.—Два года съ Л. Н. Толстымъ.—Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова.—С. И. Солнцевъ. Заработная плата, какъ проблема распредѣленія.—В. В. Очерки крестьянскаго хозяйства.—С. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства.—Ил. Чернышевъ.—„Крестьяне объ общинѣ наканунѣ 9 ноября 1906 года.—Къ вопросу объ общинѣ".—**Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва** . . . . . 190—214
23. **Книжныя новости.** 215
24. **Письмо въ редакцію** *Т-ва „Знаніе"* 224
25. **Объявленія.**

Дѣла и дни.

О „дѣтскихъ болѣзняхъ“ нашего движенія.

„Когда бросаешь камень въ воду, гляди на круги, отъ сего образуемые; ибо иначе это будетъ пустое занятіе“,—писалъ когда-то въ своемъ неподражаемо-глубокомысленномъ жанрѣ Козьма Прутковъ.

Еще до выхода въ свѣтъ „Завѣтовъ“, въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда, въ поискахъ журнальной трибуны, мы гостили въ „Современникѣ“,—намъ случилось бросить въ застоявшуюся водную гладь тихихъ заводей нашей журналистики камень, отъ котораго тотчасъ же пошли въ разныя стороны многочисленные круги. Дѣлать нечего—будемъ же глядѣть на нихъ. Вотъ она, эта концентрически расходящаяся обманная видимость движенія, способная наглядно демонстрировать всю упругость мертваго застоя. Вотъ улегающіеся крики „Русской Мысли“, сводимые на-нѣтъ спеціалистомъ этого дѣла, г. Изгоевымъ: его „работу“ мы видѣли въ прошлый разъ. А вотъ и въ другомъ мѣстѣ та же видимость „движенія воды“, на самомъ дѣлѣ безнадежно стоящей на одномъ мѣстѣ: ее демонстрируетъ Ю. Каменевъ, полемизирующій противъ насъ въ „Просвѣщеніи“, ежемѣсячникѣ, носящемъ подзаголовокъ „журналъ марксистскаго направленія“.

Подзаголовокъ этотъ не совсѣмъ точенъ. Всего „направленія“ журнальчикъ этотъ не обслуживаетъ и не собирается обслуживать. Это—очень исключительный органъ одной небольшой фракціи, и весьма исключительной фракціи, но ему хочется всѣмъ, начиная съ подзаголовка, доказывать, будто часть равна своему цѣлому. А, между тѣмъ, трудно не замѣтить, что при крайнемъ дробленіи, парцеллированіи, почти *пульверизированіи* современныхъ фракцій политическое значеніе каждой изъ нихъ безостановочно убываетъ, и, съ другой стороны, все больше растетъ число людей, становящихся *внѣ фракцій*. Скажутъ: но не значитъ ли это, что создается только новая „внѣфракціонная“ фракція, не уменьшающая, а лишь увеличивающая ровнымъ сче-

томъ еще на одну число послѣднихъ? Такое возраженіе будетъ остроумно, но невѣрно: здѣсь признаки времени. Прежнія дѣленія на фракціи кажутся слишкомъ многимъ устарѣлыми, явно вырождающимися въ личныя котеріи, да и самый характеръ прежнихъ фракцій, стремившихся замкнуться организаціонно и превратиться въ своего рода маленькія „государства въ государства", возбуждаетъ широкое недовольство, какъ постоянная угроза единству партіи, превращающемуся въ чистую фикцію.

Фракціонное распыленіе—огромное зло. Но—почемъ знать? Не доведеніе ли этого распыленія до послѣднихъ крайностей, въ качествѣ живого reductio ad absurdum, послужитъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго соціализма? Не пробудитъ ли оно стремленія къ единству, разбивъ исключительные патріотизмы прежнихъ крупныхъ вѣтвей его? Не увидимъ ли мы, напримѣръ, вскорѣ усиленія взаимнаго тяготѣнія между „ликвидаторскими", „примиренческими" крылами марксизма и народничества? такого же взаимнаго тяготѣнія между активнѣйшими и „непримиримыми" элементами обоихъ направленій? И, наконецъ, не послѣдуютъ ли по необходимости этому примѣру и промежуточные, объединяющіе „центры"? Не замѣчается ли уже и теперь первыхъ признаковъ эволюціи въ эту сторону?

Намъ кажется, что да. Изъ этого не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы уже сегодня мы были наканунѣ объединенія всѣхъ соціалистическихъ фракцій въ одно стройное цѣлое, объединеніи, къ которому съ законной настойчивостью приглашаютъ насъ, вмѣстѣ съ другими отставшими въ этомъ отношеніи странами, повторныя резолюціи международныхъ конгрессовъ. Мы не скрываемъ отъ себя, что дѣло это, вообще крайне трудное, еще болѣе осложнено нашими, русскими условіями существованія всѣхъ партій и фракцій. Чтобы фракціи слились въ одно стройное цѣлое, необходимо, чтобы онѣ могли легко отдавать всѣ свои разногласія на судъ высшей инстанціи, приговору которой всѣ согласились бы подчиняться: на судъ организованной трудовой, рабочей массы. Но тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть *открытыхъ партій*, лѣвѣе октябристовъ, гдѣ даже к.-д. являются партіею полуоткрытою, не легализированной, а лишь *терпимой*, тамъ не можетъ быть и единой политически организованной рабочей массы. При такихъ условіяхъ каждая фракція безъ большихъ натяжекъ можетъ выдавать себя за выразительницу истинной воли этой послѣдней. Настежь открыта дверь всякому добросовѣстному заблужденію, которое такъ легко при *неофиціальномъ* существованіи партій, когда, въ условіяхъ скромнаго *инкогнито*, каждый

имѣетъ дѣло лишь съ небольшой частицей этой массы и по части вынужденъ судить о цѣломъ. Но масса рабочая не есть что-то единое и однородное, напротивъ, крайне пестрое и разнородное. И по степени развитія, и по традиціямъ, и по локальнымъ, и по профессіональнымъ условіямъ, и по уровню матеріальнаго благосостоянія, и по степени его обезпеченности, и, въ итогѣ, по всему *настроенію*—здѣсь господствуетъ крайнее разнообразіе, и, слѣдовательно, тысяча возможностей на разные лады истолковывать „волю массы". Фракціямъ и отдѣльнымъ работникамъ при современномъ режимѣ все еще въ значительной мѣрѣ приходится бродить ощупью, въ потемкахъ. Мудрено ли, что часто онѣ напоминаютъ извѣстную притчу о слѣпыхъ, которыхъ съ разныхъ сторонъ подвели къ слону и заставили ощупывать одного ноги, другого уши, третьяго хоботъ, четвертаго хвостъ, пятаго клыки, и затѣмъ свели вмѣстѣ и оставили спорить о томъ, *каковъ собою* слонъ и на что онъ годится...

Полное соціалистическое единство, очевидно, есть дѣло болѣе счастливаго будущаго... Чтобы не создавать себѣ иллюзій и не принимать „перваго мѣсяца беременности за девятый", надо не переоцѣнивать первыхъ счастливыхъ предзнаменованій: смягченія нѣкоторыхъ изъ былыхъ споровъ, первыхъ маленькихъ прецедентовъ совмѣстной, хотя бы чисто литературной, работы. Но вотъ что всегда слѣдуетъ помнить: какъ бы ни было далеко *полное* осуществленіе идеала *единства*, всегда можно работать, по крайней мѣрѣ, для *приближенія*, для *подготовленія* его реализаціи. И что здѣсь крайне важно—это созданіе прочнаго *общественнаго мнѣнія* въ пользу грядущаго единства, общественнаго мнѣнія, которое могло бы сдерживать вредные эксцессы фракціонности, пережитки слѣпой нетерпимости, рецидивы озлобленно-враждебнаго отношенія другъ къ другу. Ибо безъ оздоровленія общей атмосферы взаимныхъ отношеній не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ практическихъ сближеніяхъ. Пока нормой этихъ отношеній служитъ всеобщій зудъ полемическаго подсиживанія, заподозриванія, набрасыванія тѣни на искренность, всяческаго дискредитированія другъ друга, пока этимъ отравленнымъ воздухомъ дышатъ и на этой духовной пищѣ вскармливаются Веніамины вербуемаго фракціями молодого поколѣнія, до тѣхъ поръ нивы соціалистическаго посѣва будутъ зарастать цѣпкими репейниками междоусобной свары и „склоки", и требовать новой коренной перепашки, а не бодрой и веселой жатвы...

Къ счастью, жизнь, повидимому, идетъ, хотя и медленно, но все-таки въ сторону оздоровленія междуфракціонныхъ отноше-

ній. Стремленіе къ нему зарождается и въ марксистскомъ лагерѣ. Правда, отнюдь не этимъ стремленіемъ продиктована статейка Ю. Каменева, не имъ вдохновляется и весь журналъ „Просвѣщеніе". Но вѣдь въ широкой рѣкѣ марксистскаго направленія это только узкій заливчикъ... а въ такихъ заливчикахъ очень часто можно наблюдать „обратное теченіе". Ю. Каменевъ не аргументируетъ въ пользу объединительныхъ тенденцій. Но, вмѣстѣ со своею полемикой, онъ, можетъ быть, служитъ въ ихъ пользу прекраснымъ доводомъ „отъ обратнаго". И, если бы я былъ склоненъ ко злорадству, я имѣлъ бы полное право сказать, что „его краткая статейка меня пространно порадовала". На ней всего легче показать едва ли не всѣ несчастныя особенности пережитой фазы движенія.

Ю. Каменевъ хочетъ полемизировать съ нами. На языкѣ его литературнаго кружка это значитъ, прежде всего, какъ можно чаще пускать въ ходъ противъ насъ разныя страшныя слова и уничтожающіе эпитеты. Къ чему это? Вѣдь къ нимъ всѣ слишкомъ привыкли и рѣдко принимаютъ ихъ въ серьезъ. Кому же неизвѣстно, что если Н. Ленинъ, Ю. Каменевъ и др. хотятъ сказать: „мы съ вами несогласны", то рука ихъ немедленно и рефлекторно начинаетъ выводить: „это мелко-буржуазная утопія". Привыкнувъ къ ихъ façon de parler, можно не безъ успѣха прочитывать ихъ статьи, мысленно переводя ихъ съ полемическаго „арго" на общепонятную литературную рѣчь.

Запасъ соотвѣтственныхъ эпитетовъ у Ю. Каменева и его единомышленниковъ большой и старый. Ихъ вытаскиваютъ на свѣтъ Божій въ каждой изъ статей снова и снова, подобно тому, какъ аккуратные пансіонскіе воспитатели выводятъ на ежедневную прогулку своихъ питомцевъ, построенныхъ въ правильные ряды и слѣдующихъ другъ за другомъ со всей надоѣдливой утомительностью разъ навсегда заведеннаго церемоніала. Только вотъ развѣ въ пансіонахъ обычно водятъ попарно, а Ю. Каменевъ предпочитаетъ пускать тройками, „тріадами", напримѣръ: непониманіе, легкомысліе и путаница; мелкобуржуазность, мѣщанство и обывательщина. Въ этомъ—капризъ авторской индивидуальности, за то единственный. Въ остальномъ статья его, словно изъ магазина готоваго платья, гдѣ его изготовляютъ по разъ установленному шаблону, на всѣ случаи жизни и на всякій ростъ, при томъ дешево и скверно.

Для большой рѣзкости, изъ арсенала казенныхъ словечекъ стараго образца Ю. Каменевъ раскопалъ даже и такія, которыя давно уже покоились мирно, безъ употребленія, похороненныя

тамъ, казалось, навсегда: напримѣръ *„авантюризмъ“*. Когда то, въ дореформенное, то бишь, въ дореволюціонное время, пущенное впервые противъ насъ въ оборотъ, оно даже надѣлало шуму и достигло своей цѣли: произвести сразу сильное впечатлѣніе и обострить отношенія. Тогда „намъ были вновь всѣ впечатлѣнія бытія“, и мы имѣли наивность чувствительно реагировать на „оскорбленіе“. Теперь не то. Мы уже привыкли къ *легкости*, съ которой съ иныхъ устъ слетаютъ самыя *тяжкія* слова, и насъ этимъ не удивишь. И повтореніе старыхъ выходокъ противъ насъ, теперь—занятіе безобидное. Какъ всѣ старыя орудія, оно годно лишь для музея почтенныхъ древностей: всѣ знаютъ, что эти допотопныя кулеврины даютъ больше грому, чѣмъ ощутительнаго дѣйствія, и являются, въ сущности, довольно безвредными хлопушками.

Такимъ образомъ, если „журналъ марксистскаго направленія“ разсчитывалъ своими испытанными пріемами полемики довести насъ до состоянія „запальчивости и раздраженія“, то онъ ошибся въ разсчетахъ и можетъ повторить себѣ старинное „oleum et operam perdidi“. Кромѣ всего прочаго, мы же понимаемъ, что Ю. Каменевъ долженъ соблюдать своего рода правила внутри партійнаго приличія. Если, говоря о насъ, онъ не будетъ употреблять, по крайней мѣрѣ, выраженій „легкомысленные путаники“ или „мелкобуржуазные авантюристы“, то какъ же это будетъ понято его аудиторіей, когда въ полемикѣ со своими товарищами по направленію онъ употребляетъ эпитеты, еще болѣе рѣзкіе? Не обвинятъ ли его въ прямой измѣнѣ и явномъ переходѣ на нашу сторону?

У меня подъ руками лежитъ цѣлая книжка за той же подписью Ю. Каменева, направленная противъ Л. Мартова, когда то вмѣстѣ съ Ленинымъ, Каменевымъ и др. на страницахъ одного и того же изданія („Искры“) изгонявшаго насъ за порогъ, отдѣляющій рабочее дѣло отъ мелко-буржуазности и авантюризма. Брошюра эта снабжена предисловіемъ Н. Ленина, въ которомъ авторъ обвиняетъ „меньшевиковъ“ и „ликвидаторовъ“ въ переходѣ „отъ марксизма къ либерализму“; зачисляетъ ихъ въ разрядъ „буржуазной интеллигенціи“; называетъ ихъ то „сплошь пустышками“, то „спеціалистами по части шантажа и клеветы“; распространяется объ ихъ „интригахъ“, „мерзкихъ пріемахъ“ и „грязномъ клеветничествѣ“... Это все на *трехъ страницахъ* текста!

Можете по этому себѣ представить, сколько подобныхъ „полемическихъ красотъ“ во всей брошюрѣ, насчитывающей свыше

полутораста страницъ! Пересмотрѣвъ только наиболѣе бросающіяся въ глаза, я долженъ придти къ успокоительному убѣжденію, что сравнительно съ эпитетами, которыми Ю. Каменевъ награждаетъ своихъ *товарищей по партіи*, его вылазки противъ насъ могутъ почитаться лестными комплиментами.

Насъ подозрѣваютъ въ эволюціи „отъ демократизма къ либерализму"? Но меньшевики суть „кадетствующіе ренегаты", „слабонервные либералы въ лохмотьяхъ марксизма"; это усвоившіе „всю сумму либеральной трусости и ограниченности" „вульгарнѣйшіе изъ мѣднолобѣйшихъ либераловъ" (стр. 24, 45, 50, 71).

Насъ обвиняютъ въ легкомысліи и путаницѣ? Но соціалъ-демократы иной съ Каменовымъ фракціи суть „сознательно-лживые" (стр. XII) „литературныя фокусники" (19) „злостные клеветники" (3) „невѣжды" и „обманщики", „спекулирующіе на чужое невѣжество", сами подвергшіеся процессу „оглупленія", но ловко „передергивающіе карты" (56, 60, 23), „подбирающіе лжесвидѣтелей" (37), „развязно и безцеремонно" пускающіе въ ходъ „извращенія" и „сплошную ложь" (1, 2) вмѣстѣ съ „трусливо-лицемѣрнымъ бормотаньемъ" (12), „сплетнями и клеветами" и иными „низкими и отвратительными формами борьбы" (15). „Грязная компанія" (27) и „безстыдныя попытки" (14) этихъ „разсчетливыхъ шантажистовъ" (ib.), „ренегатовъ" (28), „предателей дѣла революціоннаго соціализма" (56), соединяющихъ позицію „вѣрныхъ псовъ" (11), съ „ликвидаторской блудливостью",— опирается на союзъ съ такъ называемой группой „примиренцевъ Троцкаго и его сторонниковъ",—этихъ „современныхъ Молчалиныхъ въ марксистской средѣ" (75), этихъ „Тартюфовъ" (82), „звонкогласныхъ Балалайкиныхъ", не сохранившихъ въ своихъ поступкахъ даже „оттѣнка благородства" (105) и упражняющихся въ „безыдейномъ маклерствѣ и безпринципномъ интриганствѣ" (102).

Потресовъ, Мартовъ и другіе?.. Одинъ это—„злобная бездарность" и новый „изобличенный двурушникъ", косвенно полезный старому режиму не меньше Азефа (21—22); другой—„съ непринужденностью писакъ изъ Россіи и съ отчаяніемъ изобличеннаго фальсификатора" напоминаетъ „преслѣдуемаго вора, который старался обмануть публику, играя роль преслѣдователя" (6), и защищается „зловоніемъ изрыгаемой грязи" (122); все это „разоблаченные литературные гешефтмахеры, обращающіеся съ идеями, какъ съ краденымъ товаромъ" (58), которые „не прочь бы недостающій имъ политическій капиталъ замѣнить капитальцемъ, заработаннымъ на „уголовщинѣ" (28); ихъ глава есть въ

то же время „глава сыскного (sic!) отдѣленія, организованнаго внутри партіи для передачи всѣхъ могущихъ оказаться для нихъ полезными свѣдѣній врагамъ партіи“ (27), это — невмѣняемый человѣкъ, сплетничаньемъ „по парижскимъ кабакамъ“, „поставляющій свѣдѣнія для охранки“ (153), „герой сплетни и шантажа“, „политическій авантюристъ“ (152), годный лишь для того, чтобы стараться „неблаговоніемъ собственныхъ писаній осилить запахъ выгребныхъ ямъ либерально-ликвидаторской мудрости“ (60)...

Вотъ что называется полемизировать! Правда, не остается въ долгу и противная сторона: противъ Каменева и товарищей Мартовымъ выпущена брошюра разоблаченій, въ которой есть все, вплоть до вопроса о какихъ-то „темныхъ деньгахъ“ и „фальшивыхъ бумажкахъ“; брошюра, которую ея противники называютъ „вонючей бомбой, брошенной въ партію, съ надеждой на дѣйствіе ея взрывающихъ міазмовъ“.

И, невольно зажимая носъ, мы спрашиваемъ себя въ недоумѣніи: куда мы попали? гдѣ мы? среди кого?

„Ванька! это твоя литература!“ Въ самомъ дѣлѣ, такая „литература“, казалось бы, мыслима лишь... на заборахъ; такая полемика была бы понятна развѣ между не подѣлившими „темныхъ денегъ“ дѣльцами союза русскаго народа; но, чтобы она процвѣтала между членами *одной и той же* соціалистической партіи, которые и послѣ этой полемики, какъ и до нея, равно остаются подъ ея гостепріимной кровлей—это нѣчто невѣроятное, неслыханное. При чемъ здѣсь соціализмъ? При чемъ здѣсь „марксисткое направленіе“? Всѣ искренніе друзья и того, и другого, безъ различія направленій и фракціи, должны бы во имя простой чистоплотности прекратить, во что бы то ни стало прекратить этотъ скандалъ, позорящій тѣ великіе принципы, во имя которыхъ онъ поднятъ людьми, явно неспособными взвѣшивать свои слова и поступки...

Тяжело и грустно, что до сихъ поръ въ этомъ направленіи почти ничего не сдѣлано. А между тѣмъ, намъ грозитъ серьезная опасность: этотъ исходящій желчью, ненавистническій способъ „веденія принципіальной полемики“ хотятъ ввести въ норму, хотятъ, чтобы съ нимъ совершенно освоились, чтобы къ нему привыкли, чтобы его „приняли“...

И о чемъ бы ни шла рѣчь, какія бы области знанія ни затрогивались—вплоть до философіи—манеры остаются тѣ же. Раскроемъ книжку Вл. Ильина „Матеріализмъ и эмпиріокритизмъ“ (изд. „Звено“, Москва 1909 г.), и мы убѣдимся, что со всѣми представителями современной европейской философской мысли авторъ

учиняетъ такую же скорую и немилостивую расправу, какъ Ю. Каменевъ съ товарищами по партіи.

Судите сами. Вы интересуетесь представителями имманентной школы? Это — „философскіе Меньшиковы“ (стр. 142), а основатель этой школы—„черносотенный Шуппе“ (стр. 430). Вы слышали что-то о „новѣйшемъ позитивизмѣ“? Знайте же, что это просто „мѣшанина“ (стр. 58), „старый хламъ“ (стр. 66) и „образецъ эклектической нищенской похлебки“ (стр. 59), плохо прикрытый „пустыми гелертерскими претензіями“ (стр. 72). Вамъ интересенъ эмпиріокритицизмъ? Извольте: основатель этой школы— „кривляка Авенаріусъ“ (стр. 99), защищающій „безмозглую философію“ (41), „окрошку“ (225), въ которой все сплошь—„безтолковое перепутываніе“ (93); онъ вѣчно поступаетъ „по совѣту тургеневскаго пройдохи: больше всего кричать противъ тѣхъ пороковъ, которые въ себѣ сознаешь“ (91). Не честнѣе и Махъ, котораго почему-то прославили, какъ научное свѣтило: „его философія—праздныя и пустыя слова, въ которыя не вѣритъ и самъ авторъ“ (34), „самое безсвязное спутываніе“ понятій (48) и „языкоблудіе“ (39); несмотря на всѣ свои „реакціонные философскіе выверты“ (54) и „важничанье пустышкой“ (50), онъ тщетно старается прикрыть свою наготу, ибо „ходитъ голенькій“ (35). Хотите получить характеристику другихъ философовъ современности и недавняго прошлаго? Не станетъ дѣло и за этимъ. Вотъ вамъ Риль, Лаасъ и др. — „путаники-профессора“ (106), далѣе слѣдуютъ „пѣтухи Бюхнеры, Дюринги и Ко (257); вотъ „путаникъ А. Ланге, фальсифицировавшій исторію матеріализма“ (235); вотъ извѣстный физикъ Пуанкарэ, на своемъ примѣрѣ доказывающій, что есть „люди, способные мыслить только безсмыслицу“ (351); вотъ Корнеліусъ, награждаемый эпитетомъ „урядника на профессорской каеедрѣ“ (256); вотъ Петцольдъ, уличаемый въ „буржуазномъ шарлатанизмѣ“ (259) и дающій поводъ Вл. Ильину сочинить эпитетъ „ноздревски-петцольдовскій“... И всѣ событія въ области философіи, преломляясь сквозь зрѣніе Вл. Ильина, принимаютъ совершенно своеобразный характеръ: такъ, „сто тысячъ читателей Геккеля означаютъ сто тысячъ плевковъ по адресу философіи Маха и Авенаріуса“ (427) и потому, когда Вилли пишетъ критическую статью о книгѣ Геккеля, то это онъ просто „утирается“... (427).

И опять-таки: что это? откуда столько изумительной некультурности и неуваженія къ мысли человѣческой? Откуда такая безконечная развязность и распоясанность? Что это за сорвавшійся съ привязи языкъ у человѣка, который, послѣ долгой без-

заботности по отношенію къ философіи, вдругъ собрался съ силами и затѣялъ учинить настоящій философскій *погромъ*? Что это за надоѣдливая, и потому даже не смѣшная, что это за отвратительная манера то за панибрата, то даже свысока, но всегда равно грубо, третировать людей, дѣйствительно, нѣчто создавшихъ въ области философской мысли? Что это за жаргонъ, къ которому насъ, правда, уже пріучилъ Пуришкевичъ въ третьей Думѣ, но который доселѣ еще не былъ извѣстенъ въ области философіи? И откуда, наконецъ, такая смѣлость да еще у человѣка, все отношеніе-то котораго къ философіи можно выразить въ одной фразѣ: was hat er selbst nur gestern gelernt, das will er heute schon lehren?

Присмотрѣвшись къ пріемамъ, съ которыми Вл. Ильинъ неожиданно ворвался въ область философіи, невольно вспоминаешь того купца изъ разсказа Глѣба Успенскаго, который въ слѣдующихъ, примѣрно, краскахъ описывалъ одно изъ своихъ похожденій: „Да ка-акъ начну я трахать, да наклеивать, да пристукивать, да огрѣвать, да раздавать лещей, да судаковъ, да подзатыльниковъ кому въ носъ, кому въ зубы, кому подъ поясницу, кому во всѣ прочія мѣста,—только, наконецъ того дѣла, вижу: распространено вокругъ меня пространство и стою я, какъ какой-нибудь Мининъ-Пожарскій на Красной площади, а вокругъ меня разные народы—кто головой въ плетень угодилъ и такъ застрялъ, что и выбраться не можетъ, кто ужъ на карачкахъ ползетъ, кто еле дышетъ, какъ рыба на сухомъ берегу—такъ я всѣхъ въ лучшемъ видѣ удовольствовалъ!“

Сказанное приводитъ насъ все къ тому же, съ чего мы начали: къ *дѣтскимъ болѣзнямъ* нашего движенія. Здѣсь ярко сказалась все та же душная атмосфера сектантской кружковщины и фракціоннаго дробленія. Всякая фракція, какъ бы ни была она мала, должна имѣть своего лидера, своего „великаго человѣка“. Но великіе люди не рождаются всегда въ такомъ количествѣ, чтобы удовлетворить запросъ въ нихъ. А, по мѣрѣ „пульверизированія“ фракцій, запросъ растетъ. Нѣтъ великихъ людей—надо ихъ выдумать. Тѣ самые люди, которые имѣютъ роста ровно настолько, чтобы быть небезталанными работниками или рядовыми почтенностями въ широкой массовой политической кооперацiи, превращаются въ единоличныхъ лидеровъ и вождей. Группирующіеся вокругъ нихъ кружки „вѣрныхъ“ заставляютъ ихъ становиться на ходули, а они, въ свою очередь, стараются укрѣплять ихъ узкій „приходскій“ фанатизмъ. Получающійся процессъ взаимодѣйствія взращиваетъ и укрѣпляетъ въ угрожающей про-

грессіи самоослѣпленіе тѣхъ и другихъ. Зарождается идейная мономанія и нетерпимость фанатика, отъ которой рукой подать до настоящей mania grandiosa. Нарастаетъ бранчивая раздражительность и несносное высокомѣріе непризнанныхъ геніевъ, изъ которыхъ каждый не можетъ простить всему остальному человѣчеству того факта, что онъ „дивитъ свой только муравейникъ". Въ этомъ видится чья-то злонамѣренность, какой-то подвохъ. Безмѣрная преданность маленькой свиты приверженцевъ не даетъ никакой возможности объяснить себѣ дѣло проще. Собственная непопулярность начинаетъ казаться расплатой за служеніе настоящему правому дѣлу, жертвой, приносимой на алтарь отечества. Бушующее за порогомъ сознанія пламя собственнаго неукротимаго самолюбія незамѣтно облекается въ тогу самой чистой идейности. Всякіе масштабы и мѣрки въ оцѣнкѣ собственныхъ силъ исчезаютъ. Великодержавный тонъ нарастаетъ. Чѣмъ меньше кружокъ вѣрныхъ, тѣмъ онъ, въ концѣ концовъ, окажется нетребовательнѣе. И вотъ человѣкъ, котораго въ широкой политической коопераціи соревнованіе съ товарищами по дѣлу двигало бы впередъ, заставляло бы развивать свои силы, обогащая свой умъ результатами чужихъ работъ и оплодотворяя своими работами ихъ сознаніе, ревниво замыкается, начинаетъ чураться другихъ, заранѣе опорочивать ихъ работы, выискивать въ нихъ слабыя мѣста, придираться, выдумывать во что бы то ни стало свои собственныя, единственно-истинныя формулировки. Пониженныя требованія, предъявляемыя къ лидерамъ съуженной аудиторіей, убійственно вліяютъ и на аудиторію, и на лидеровъ. Тѣ и другіе мельчаютъ въ полную мѣру своей способности къ измельчанію.

И вотъ съ выдуманными знаменитостями узенькаго „мірка" повторяется старая исторія о „муравьѣ силы непомѣрной", въ доказательство которой онъ ежеминутно готовъ былъ впиваться въ любого встрѣчнаго и воображалъ, что гремитъ своими подвигами во всей подсолнечной...

Не только *они* создаютъ свою аудиторію, но и аудиторія создаетъ ихъ, этихъ драчливыхъ охотниковъ впиваться другъ въ друга. Не Каменевъ и Мартовъ виноваты въ отвратительныхъ формахъ, какія приняла ихъ полемика, въ нихъ виновата и публика, виноваты читатели, виновата та аудиторія, которая сама не доросла до имени соціалистически мыслящей массы, а является въ значительной мѣрѣ еще только соціалистической *улицей*, соціалистической *культурной чернью*. Ея психологія еще слишкомъ обывательская и мѣщанская. Это она, со своею жаждой

поклоняться какому-нибудь божку и восхищаться имъ во всѣхъ путяхъ его, мало-по-малу воспитала и во Вл. Ильинѣ его амикошонскую грубость въ обращеніи съ любымъ изъ свѣтилъ науки и философіи и готовность по военному расправляться съ любымъ вопросомъ теоріи и практики. Нечего ужасаться, когда передъ лицомъ изумленной „толпы" ея „герои" начинаютъ въ своихъ подвигахъ переходить всѣ границы. Нечего сваливать на нихъ эти „печальные эксцессы междуфракціонной распри". Оглянитесь на себя вы, рядовые, вы, читательская масса, вы, потенціальное войско движенія. Найдите и свою вину въ томъ, что вы не создали стойкаго общественнаго мнѣнія, морально дисциплинирующаго вашихъ собственныхъ видныхъ дѣятелей. Поймите, что это *вы* не поднялись на ступень зрѣлаго общества политически мыслящихъ людей, что *вы* представляете собою печальную и жалкую картину людскихъ муравейниковъ. Пожинайте же результаты этого: убѣдитесь, что въ атмосферѣ муравьиной борьбы, муравьиныхъ споровъ и раздоровъ неизбѣжно взрастаютъ ядовитые цвѣтки *моральнаго мѣщанства* въ политической области: безсиліе раздробленности, преобладаніе слова надъ дѣломъ, буквы надъ смысломъ, приходскаго самолюбія надъ интересами общаго дѣла; высокомѣрное третированіе другъ друга, „семейная привычка походя перебрасываться воркотней и бранью, нравственная распоясанность и готовность всегда вынести на улицу, на всеобщее позорище, мѣщанскія замашки своего захолустья, гдѣ изъ бани домой ходятъ запросто, въ распахнутомъ халатѣ съ вѣникомъ подъ мышкой, переругиваясь на ходу съ сосѣдями и не останавливаясь даже передъ упоминовеніемъ родителей...

Вы сами, читатели, вы, рядовые члены партій — начните съ себя. Не сѣтуйте безсильно на другихъ, превратитесь изъ политическихъ статистовъ въ людей, создающихъ общественное мнѣніе. Научитесь, наконецъ, *направлять* своихъ вождей идти за ними лишь тогда и лишь постольку, когда они ведутъ насъ *по вашему закону*. Возвысьтесь сами надъ исключительностью кружковыхъ и приходскихъ интересовъ и заставьте вашихъ вождей идти къ сліянію въ дисциплинированной коопераціи идейныхъ работниковъ. Заставьте ихъ забыть эти privilegia odiosa, вытекающія изъ сомнительной чести быть „общепризнаннымъ вождемъ" крошечной группки; заставьте ихъ примириться съ болѣе плодотворной ролью *одного изъ равныхъ* въ авангардѣ дѣятелей болѣе широкаго и могучаго цѣлаго. Вы воспитали въ нихъ деспотовъ, перевоспитывайте же ихъ, если нужно, деспотически. Вы награждали ихъ рукоплесканіями, чтобы они ни дѣлали; наказы-

вайте ихъ изолированіемъ и забвеніемъ, когда они перестаютъ быть служителями общаго дѣла и вдохновляются лишь ревнивымъ патріотизмомъ „своей лавочки". Вы, сторонники демократіи, сумѣйте быть живой демократіей въ своей собственной практикѣ. Не ждите, что улучшеніе и оздоровленіе междуфракціонныхъ отношеній придетъ откуда-то сверху. Тамъ, наверху, вы слишкомъ долго потакали рыцарямъ междоусобія и шумнымъ ихъ турнирамъ. Вы накопили тамъ достаточное количество инерціи, враждебной всякимъ перемѣнамъ. Сумѣйте преодолѣть эту инерцію, или не ропщите и продолжайте оставаться жалкими статистами при всѣхъ подвигахъ „главныхъ актеровъ" политической сцены... на которой въ переживаемое нами чреватое будущими событіями, глубоко значительное время еще не прекращается представленіе *пошлаго фарса*.

* * *

„Болѣзни дѣтства"... Къ числу этихъ дѣтскихъ болѣзней относятся также: упорный консерватизмъ мысли; нежеланіе, при какихъ бы то ни было условіяхъ, снизойти до признанія въ ошибкѣ; стремленіе во что бы то ни стало уклониться отъ критическаго изслѣдованія прошлой тактики; попытки заранѣе опорочить *мотивы* такой критики; запугать призракомъ „капитуляціи передъ врагами"; вообще убить критическую мысль и замѣнить ее слѣпой и упрямой вѣрой въ свою личную, фракціонную или партійную непогрѣшимость.

И здѣсь то же сходство съ типичнымъ захолустнымъ муравейникомъ. Въ немъ огромную силу имѣетъ *ябедничество*. Ябедой часто начинаются, и ябедой чаще всего кончаются всѣ споры. Аргументація по существу быстро исчерпывается, и вмѣсто доказательствъ начинается заподозриваніе противника, многозначительные кивки и намеки, а иногда и прямое опороченіе его дѣйствій и мыслей.

Статья Ю. Каменева блестящая иллюстрація характеризуемой нами стадіи развитія движенія.

Какова была цѣль нашихъ статей? Ю. Каменевъ ее прекрасно понялъ. Статьи эти, писалъ онъ, „останавливаютъ на себѣ вниманіе", ибо онѣ „представляютъ въ своей связи попытки оцѣнки общественнаго движенія послѣднихъ лѣтъ". Пожаловавъ, далѣе, „Виктору Чернову" званіе „признаннаго вождя народническаго *центра*" (почему „центра"?), онъ призналъ, что „подобная попытка тѣмъ болѣе должна привлечь къ себѣ вниманіе". Какъ будто,

тѣмъ самымъ Ю. Каменевъ признаетъ своевременность и правомѣрность поставленныхъ нами вопросовъ и берется серьезно разбираться въ нашемъ рѣшеніи. Но что же значитъ дать такую оцѣнку? Это значитъ оцѣнить объективныя условія „движенія послѣднихъ лѣтъ“ и взвѣсить силы, которыми располагали борющіяся стороны; наряду съ элементомъ неустранимаго и стихійнаго въ событіяхъ, отмѣтить внесенный въ процессъ борьбы организованными силами элементъ разсчитаннаго, тактически-цѣлесообразнаго. Основнымъ вопросомъ при этомъ является: правильно ли дѣйствующія силы взвѣсили и объективныя условія, и собственные боевые рессурсы? Соотвѣтствовала ли избранная ими тактика ихъ силамъ и создавшемуся положенію?

Вопросъ этотъ глубоко серьезный, и мы его поставили ребромъ. Отмалчиваться отъ него болѣе нельзя. И вотъ, Ю. Каменевъ какъ будто принимается за его разсмотрѣніе, но увы! только для того, чтобы въ самый рѣшительный моментъ отъ него отмахнуться. Средство для этого простое: патетическія фразы.

„Только бездарнѣйшимъ толстовскимъ Пфулямъ массовыя движенія могутъ казаться простѣйшей стратегической, чуть ли не ариѳметической задачей, рѣшаемой по методу: die erste kolonne marschirt, die zweite kolonne marschirt и т. д.“.

„В. Черновъ призываетъ *заднимъ числомъ* къ умѣренности и аккуратности...

„О, трезвенные умы, о, глубокомысленные Пфули, переигрывающіе великіе акты народной борьбы на шахматной доскѣ домашняго изготовленія“!

Какъ во время является здѣсь ложный паѳосъ, чтобы заставить замолкнуть мысль! На колѣни передъ „великими актами народной борьбы“ недавняго прошлаго! Долой „переигрыванье ихъ на шахматной доскѣ домашняго изготовленія“!

На подобныя восклицанія мы холодно и спокойно отвѣтимъ, что съ довольно давнихъ поръ мы отучились отъ колѣнопреклоненій и не для того избрали лозунгомъ „не сотвори себѣ кумира“, чтобы отречься отъ него послѣ перваго окрика. И къ чему все сводить къ „оскорбленію величества“ народнаго? Въ народной борьбѣ, какъ бы она ни была колоссальна, всегда есть на лицѣ и элементъ стихійныхъ дѣйствій, и элементъ вмѣшательства партій. Что касается силы стихіи, то она внѣ суда цѣлесообразности; ее нельзя мѣрить тѣми мѣрками, которыя приложимы лишь къ сознательно и планомѣрно дѣйствующимъ организованнымъ силамъ. Въ ней можно оцѣнивать лишь мѣру прорвавшейся энергіи. Можно удивляться ея величинѣ, или, напротивъ, сводить эту величину къ цифрамъ болѣе скромнымъ. Но роль партій, ихъ

разсчитанные „ходы“ теоретиками должны быть обязательно „переиграны на шахматной доскѣ“ политической тактики и стратегіи. И нечего смѣшивать тактику партій вмѣстѣ со стихійными проявленіями массового движенія, нечего валить ихъ въ одинъ мѣшокъ, чтобы потомъ объявить ихъ неприкосновенными для критики; нечего прятаться за „великіе акты народной борьбы“. Кому слишкомъ явно не хочется, чтобы его прежняя политическая шахматная игра была „переиграна“ на доскѣ, при свѣтѣ нелицепріятной теоріи, тотъ только лишній разъ доказываетъ, что онъ самъ смутно чувствуетъ, какъ „неблагополучно“ обстояло въ ней многое. И, если умъ у него способенъ плясать подъ дудку этого смутнаго чувства, онъ всегда найдетъ что нибудь въ свое оправданіе: напр., что „заднимъ умомъ“ призывать къ болѣе разсчетливому образу дѣйствій есть пустое занятіе. Нѣтъ, не пустое. Кто не дисциплинировалъ свего ума въ школѣ критическаго отношенія къ своему прошлому, тотъ въ настоящемъ вѣчно будетъ не господиномъ, а рабомъ своего собственнаго поведенія.

„Проповѣдуемый Черновымъ отказъ отъ „иллюзій“ тогдашней эпохи знаменуетъ на дѣлѣ лишь подчиненіе либеральнымъ иллюзіямъ, иллюзіямъ столь прославленной либеральной „реальной политики“.

Опять тотъ же дешевый способъ „откричаться“ отъ вопроса кивкомъ на „государственную измѣну“, на податливость въ сторону либерализма. „Меня не проведешь: я подъ каждымъ на аршинъ подъ землей вижу“,—говорилъ одинъ изъ персонажей Островскаго. Но чѣмъ видѣть „на аршинъ подъ землей“, лучше бы просто отвѣтить на ребромъ поставленный вопросъ: не было ли въ оцѣнкѣ политическаго положенія у дѣйствовавшихъ въ 1905 — 1906 гг. партій ненужныхъ и вредныхъ иллюзій? И если были, то *что именно* считать иллюзіями и *что именно* въ тогдашней тактикѣ приходится отнести на счетъ иллюзій?

Отъ всякаго *опредѣленнаго* отвѣта на столь *опредѣленно* поставленный вопросъ Ю. Каменевъ, разумѣется, уклоняется. Неопредѣленныхъ же, подъ рукою проскальзывающихъ, полуотвѣтовъ можно встрѣтить нѣсколько.

Съ одной стороны выходитъ, какъ будто никакихъ иллюзій и не было, а всѣ эти „иллюзіи“ есть просто злонамѣренная выдумка трезвенныхъ либераловъ, отъ нихъ перешедшая и къ Чернову.

„Выкиньте изъ исторіи того времени всѣ воззванія, все, что писалось или говорилось. Оставьте изъ всего соотвѣтствующаго матеріала лишь цифры, голую статистику, простой подсчетъ. Взгляните на цифры стачекъ, крестьянскихъ и прочихъ волненій... Не превзошли ли эти цифры *массоваго* дѣйствія всѣхъ разсчетовъ, всѣхъ самыхъ крайнихъ, самыхъ оптимистически настроенныхъ въ эту сторону элементовъ? Не

обгоняло ли движеніе, покуда оно шло вверхъ, всѣ разсчеты, всѣ надежды? Не воплотило ли оно въ жизни больше того, что могла рисовать себѣ и что на дѣлѣ рисовала самая легко-воспламеняющаяся фантазія"?

Вотъ видите, какъ хорошо... Не было иллюзій, скорѣе наоборотъ: сравнительно съ дѣйствительностью, партіи оказались еще *маловѣрами*... И одна ложка дегтю, портящая всю бочку меда, одинъ диссонансъ, разстраивающій всю музыку: это слова—*„покуда движеніе шло вверхъ"*... Хотите, и всю фразу можно сказать наоборотъ, стоитъ только взять другое вводное предложеніе: „когда же движеніе пошло внизъ". На этотъ разъ столь же превзойденными окажутся „самые пессимистически настроенные элементы"...

Иными словами: движеніе порывисто скакнуло вверхъ; такого скачка никто не ожидалъ, взвѣшивая реальное соотношеніе силъ; движеніе именно скакнуло *далеко выше* реальнаго соотношенія силъ; такъ скакнуть движеніе могло благодаря неожиданности полнаго военнаго разгрома и вызванной имъ полной растерянности правительства; не всѣ поняли это; тѣ, кто не поняли, вообразили себя маловѣрами и, со своей стороны, „скакнули" къ перестройкѣ своихъ ожиданій отъ будущаго и своей тактики въ сторону крайняго оптимизма; и благополучно успѣли въ этомъ какъ разъ къ тому моменту, когда, высоко взлетѣвши, пришлось низко сѣсть.

Это мы и доказывали въ „рядѣ статей, представляющихъ въ своей связи попытку оцѣнки общественнаго движенія послѣднихъ лѣтъ". Мы говорили, что взрывъ возмущенія, пронесшійся надъ страной, создалъ одно время ложную видимость, будто „лѣвые", по фактическимъ соотношеніямъ силы, являются господствующими. На дѣлѣ же старые власти выпустили на время вожжи изъ рукъ, а иной энергичной организованной силы, кромѣ лѣвыхъ, имъ не противостояло. И вотъ значительная часть населенія пришла къ достаточно неоформленному и *поверхностному* сочувствію антиподамъ власти,—иного выбора передъ нею и не было; а другая, не менѣе значительная, была просто индифферентной, нейтральной—не то, чтобы равнодушной, а просто не знающей, чего хотѣть, что дѣлать и потому вполнѣ мирящейся съ совершившимся фактомъ. Въ этомъ случаѣ самая вѣковая привычка къ тому, что „кто палку взялъ, тотъ и капралъ",—могла служить временами на пользу революціонерамъ, отчасти на подобіе того, какъ это было во Франціи временъ Великой Революціи, гдѣ вѣковая система опеки и централизаціи послѣ переворота дала возможность якобинцамъ не только восторжествовать, но и охватить всю

страну желѣзными тисками революціонной диктатуры деспотическаго меньшинства. У насъ только дѣло не зашло такъ далеко, ибо проявившаяся во время кризиса стихійная сила оказалась, сравнительно съ жизнеспособностью стараго строя, меньше, а задачи, на которыя она натолкнулась, неизмѣримо сложнѣе.

Что можетъ сказать противъ этого Ю. Каменевъ? Ровно ничего. Онъ снова можетъ отыгрываться только на ложномъ паѳосѣ, и „якобы возражать" слѣдующими, не относящимися къ дѣлу, восклицаніями:

„То, что масса населенія была лишь пассивнымъ свидѣтелемъ съ рабьей психологіей (кто палку взялъ, тотъ и капралъ!), и то, что въ хозяевъ положенія превращались ничтожныя кучки, вѣдь (эти рѣчи) отдаютъ чистѣйшимъ ароматомъ „вѣховской" философіи исторіи. Если былъ въ русской исторіи моментъ, когда масса населенія вышла изъ состоянія „пассивнаго свидѣтеля" палочныхъ упражненій какихъ бы то ни было капраловъ (палка-то вѣдь все время оставалась въ рукахъ „капраловъ"... старыхъ), если былъ моментъ, когда кажущіяся (вѣховцамъ кажущіяся) „ничтожными" „кучки энергичныхъ элементовъ" на дѣлѣ, на опытѣ, оказались выражающими могучія, милліонныя *силы*, то этотъ моментъ приходится на движеніе 1905—1906 гг.".

„Если былъ моментъ... то онъ приходится". Такъ, значитъ, возможно и то, что *такого* момента еще настоящимъ образомъ *не было*, что бывшій „моментъ" лишь казался „такимъ", а на дѣлѣ былъ довольно существенно *инымъ*? Къ чему тогда вся эта тирада? Ю. Каменевъ какъ будто хотѣлъ доказать, что съ активной поддержкою массы все время дѣло обстояло совершенно благополучно, а между тѣмъ, избранная имъ *условная* формулировка такъ мало гармонируетъ съ рѣшительнымъ тономъ всей тирады, что— говоря словами Шекспира—

...эти рѣчи,
Способныя и утѣшать, и мучить,
Двусмысленны, какъ ихъ ни разбери.
Слова всегда останутся словами...

О, если понимать, насколько относительно ничтожными были „группы энергичныхъ элементовъ", пытавшіяся внести планомѣрность въ проявленія ненадежной стихіи, измѣнчивой и капризной, какъ море, значитъ—быть „вѣховцемъ", то, конечно, я долженъ безпрекословно принять это званіе. Но неужели Каменевъ не видитъ даже того, что въ относительномъ ничтожествѣ этихъ „кучекъ" и въ ненадежности стихійныхъ проявленій— главное оправданіе этихъ кучекъ передъ тѣми чрезмѣрно строгими судьями, которые готовы казнить интеллигенцію за „позорный провалъ" всего движенія? Онъ говоритъ, что кучки эти „на дѣлѣ,

на опытѣ оказались выражающими могучія, милліонныя силы". Что это значитъ: „выражающими"? *Какъ* выражающими? Потенціально или реально? Хочетъ ли Ю. Каменевъ сказать, что они представляли *интересы* милліонныхъ силъ, хотя бы полуосознанные или что они въ своемъ поведеніи точно отражали конкретную дѣйственную волю массы? Если онъ утверждаетъ послѣднее, то, значитъ, онъ и теперь не вышелъ изъ власти наивнѣйшихъ изъ иллюзій недавняго прошлаго, психологически понятныхъ въ угарѣ событій, но непростительныхъ теперь. Когда 9-го января 1905 года петербургскій пролетаріатъ стихійно устремился не за партіями, а за Гапономъ, о чемъ это свидѣтельствовало? Когда послѣ 17-го октября масса предалась самымъ неумѣреннымъ ликованіямъ, и скептики вносили въ общее праздничное настроеніе лишь тяжкую дисгармонію, о чемъ это свидѣтельствовало? Когда лѣвые стояли за тактику бойкота первой Думы, а страна почти сплошь выбирала, о чемъ это свидѣтельствовало? Когда послѣ роспуска первой Думы почти всѣ активные призывы „сорвались", и дѣйствующія лица не вытянули взятыхъ высокихъ нотъ, о чемъ это свидѣтельствовало? О томъ, что между организованными силами и народной стихіей отнюдь не было и не могло быть полнаго единства настроенія; что пережитки рабской психологіи далеко еще не погибли, если улетучились ихъ самыя грубыя формы; что учетъ народнаго настроенія слишкомъ часто бывалъ, въ ту или другую сторону, ошибочнымъ. А отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ уроковъ для будущаго. Въ частности, отсюда вытекаетъ требованіе такого вдумчиваго и трезваго отношенія къ массовой психологіи, такого изученія „низовъ" трудового класса, котораго обычно и въ поминѣ не было среди юныхъ профессіоналовъ политической борьбы, ежедневно по необходимости бравшихъ на свои плечи самыя отвѣтственныя рѣшенія въ смыслѣ „активныхъ выступленій"...

Но у Ю. Каменева есть въ запасѣ еще одно соображеніе, граничащее съ принципіальной апологіей „иллюзій" въ критическіе моменты народной жизни...

„Чѣмъ были тѣ якобы „иллюзіи", отъ которыхъ нынѣ открещиваются на всѣхъ перекресткахъ бывшіе люди? Это было сознаніе огромности разбуженныхъ къ политической жизни народныхъ силъ. Этимъ сознаніемъ жило все движеніе. Безъ этого сознанія оно не могло бы принять своихъ дѣйствительныхъ размѣровъ. То, что нынѣ презрительно клеймится именемъ „иллюзіи", было на самомъ дѣлѣ увѣренностью въ правильности избраннаго пробуждающейся массой пути и своеобразнымъ выраженіемъ *воли къ побѣдѣ*. Нельзя вести борьбу, не разсчитывая на побѣду, не вѣря въ побѣду. Нельзя побѣждать, не наступая. Нельзя наступать, не вѣря въ собственныя силы..."

Здѣсь аргументацію Ю. Каменева я охотно признаю *опасной*. Опасной потому, что она попадаетъ „въ самую точку", потому, что она играетъ на одномъ изъ самыхъ распространенныхъ предразсудковъ. „Пусть иллюзіи, но если онѣ увеличивали вѣру въ побѣду, онѣ увеличивали и энергію дѣйствія!" Такая откровенная *апологія иллюзій*, такое утилитарное отступничество отъ критической мысли и предпочтеніе насъ „возвышающаго обмана" „тьмамъ *низкихъ* истинъ" есть величайшій врагъ политически сознательнаго дѣйствія, и этому врагу нужно объявить непримиримую вражду. Безъ вѣры въ побѣду нельзя начинать борьбу; что и говорить. Но значитъ ли это, что нельзя начинать борьбу безъ вѣры въ *немедленную же* побѣду? Говорятъ, правда, что лучшій способъ заставить осла бодрѣе идти впередъ, это—привязать ему на спину длинный шестъ и на переднемъ концѣ его, передъ самой мордой бѣднаго животнаго, привязать вязанку ароматнаго сѣна. Не хочетъ ли и Ю. Каменевъ приравнять психологію людской массы къ... ослиной? Ну, а для самаго-то себя считаетъ ли онъ необходимымъ дѣйствіе того же психологическаго закона? Похоже, что не совсѣмъ. Онъ-то вѣдь видитъ, что „иллюзіи", въ глубокомъ существѣ своемъ, суть лишь „*своеобразное выраженіе* воли къ побѣдѣ". Но это болѣе глубокое пониманіе, повидимому, остается эзотерической мудростью посвященныхъ, скрытымъ въ ящикахъ письменнаго стола *таинствомъ* политической теоріи; а *экзотерическая*, назначенная для публичнаго массоваго употребленія, часть ученія оставляетъ эти „тонкости" въ сторонѣ, и „воля къ побѣдѣ" очень „своеобразно" начинаетъ „выражаться" въ простой слѣпой *вѣрѣ*: въ вѣрѣ и въ могущество своихъ силъ, и въ самое близкое торжество самыхъ широкихъ воплощеній невидимаго въ видимое, чаемаго и ожидаемаго въ настоящее... Вѣрь—и спасешься!

Такая философія иллюзій есть иллюзорная философія. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще иллюзіи никакому реальному дѣлу не помогали. И чѣмъ огромнѣе историческое дѣло, тѣмъ больше вредили ему иллюзіи. Не только вредили, но и подкапывались подъ самый его живой психологическій корень. Пріучить людей къ тому, что безъ вѣры въ *непосредственный* успѣхъ нельзя бороться—это значитъ либо совсѣмъ отучить ихъ отъ борьбы за широкія историческія цѣли, достигаемыя лишь въ ряду поколѣній, либо культивировать въ нихъ безнадежный, неисправимый утопизмъ, способность за крушеніемъ одной наивной вѣры столь же беззавѣтно предаваться другой, не менѣе наивной. Послѣднее à la longue немыслимо. И единственнымъ результатомъ утилитарнаго

культа иллюзій является періодическая смѣна ихъ тяжелымъ разочарованіемъ, безнадежностью и апатіей. Иными словами, это значитъ посягать на самый живой источникъ здоровой энергіи и активности цѣлыхъ поколѣній.

Но мало того, что близорукъ и обманчивъ этотъ „утилитарный разсчетъ". Мало того, что ради временнаго и поверхностнаго успѣха онъ приноситъ въ жертву интересы длительные, основные и существенные. Онъ—что еще хуже—вноситъ въ политическую дѣятельность органическую *нравственную ложь*, словно червякъ, подтачивающій самую ея сердцевину. Мириться съ *иллюзіями*, снисходительно признавая ихъ лишь за „своеобразное выраженіе" воли къ побѣдѣ—значитъ вступать въ компромиссъ съ собственной теоретической совѣстью и заводить двѣ мѣрки, два аршина: одинъ для себя, другой для „малыхъ сихъ". Это отрицаніе самой моральной сущности демократизма, это принципіальное отдѣленіе „вождей" отъ „мяса освобожденія". Оно не мирится съ требованіями настоящей, несгибаемой *политической честности*. Этого Ю. Каменевъ не видитъ и потому беззаботно вступаетъ на наклонную плоскость, гдѣ стоитъ только поскользнуться, чтобы докатиться до полнаго морально-политическаго паденія.

Чувствуя, что „отъ разума" защита у него не очень удалась, Ю. Каменевъ прибѣгаетъ къ защитѣ „отъ писанія". Не говорилъ ли Марксъ: „въ революціи, какъ и на войнѣ, всегда необходимо смѣло наступать, и преимущества на сторонѣ нападающаго; и въ революціи, какъ въ войнѣ, въ высшей степени необходимо рисковать всѣмъ въ рѣшительный моментъ, какъ бы неравны ни были силы". Да, говорилъ. Но, говоря, не забывалъ и другой стороны медали. Да, всегда нужно смѣло наступать, но не всегда въ формѣ, ангажирующей на немедленное генеральное сраженіе. Да, преимущество всегда на сторонѣ нападающаго, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*. Да, въ рѣшительный моментъ нужно рисковать всѣмъ, *но надо также умѣть, угадать, когда моментъ является дѣйствительно рѣшающимъ*. Да, такъ надо поступать въ революціи, но нужно умѣть отличать революцію—разумѣю революцію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—отъ *пролога* къ ней. Забывая объ этомъ и безсильно хватаясь за букву словъ учителя, Ю. Каменевъ только лишній разъ иллюстрируетъ косность мысли своего узкаго кружка. И какъ ему не приходитъ на умъ оглянуться на себя и вспомнить эти слова поэта:

Зачумленный сонъ воды,
Ржавчина волны...
Мы—забытые слѣды
Чьей-то глубины...

Ю. Каменевъ все возмущается тѣмъ, что мы допускаемъ „умаленіе титула“ Великой Русской Революціи. Что дѣлать! Мы остаемся при томъ мнѣніи, что она еще почти вся—въ будущемъ, что въ прошломъ было только введеніе въ нее. Мы остаемся при томъ мнѣніи, что главный смыслъ протекшаго періода не въ активныхъ рѣшительныхъ столкновеніяхъ и не въ борьбѣ за государственный руль, за законодательную и исполнительную власть. Нѣтъ, соотвѣтственныя попытки въ исторіи событій были вторичными, побочными фактами. Фактомъ первичнымъ и основнымъ было другое: дезорганизація старой власти и „явочная“ свободная политическая жизнь—этотъ своеобразный *политическій аполитизмъ* интенсивнаго умственнаго общенія интеллигенціи съ народомъ, — то, что мы образно называли превращеніемъ всей страны въ огромный политическій народный университетъ, съ его постоянными каѳедрами соціализма и государственнаго права, съ его бродячими лекторами и инструкторами новыхъ методовъ политической жизни и дѣятельности. Это была, если угодно, революція,—но въ широкомъ и общемъ смыслѣ слова, съ безспорнымъ преобладаніемъ элементовъ *духовнаго* переворота надъ попытками переворота *физическаго*. Развѣ это не такъ? Единственно *первая* забастовка имѣла огромное *дезорганизующее* по отношенію къ старому порядку значеніе; но вѣдь достаточно было манифеста 17 октября, чтобы она разомъ улеглась въ атмосферѣ праздничнаго ликованія. Можно ли въ такомъ случаѣ сказать безъ оговорокъ, чтобы она имѣла рѣшительно революціонный характеръ? Нѣтъ; она имѣла характеръ смѣшанный; пусть наиболѣе активную роль въ ней играли „лѣвые“, но въ цѣломъ она была стихіей, которой лѣвые вполнѣ овладѣть не могли, и прекратилась она не такъ и не тогда, когда это диктовалось взглядами лѣвыхъ. Вторая забастовка? Но она была вовсе не шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія мѣръ физическаго давленія на существующій строй. И вся атмосфера этой забастовки была совершенно особенная. Она сплошь была эпопеей митинговъ, на которыхъ читались сплошь программныя лекціи-рѣчи, и шли оживленнѣйшіе междупартійные дебаты. Меньше всего было атмосферы практическаго дѣйствія, и больше всего — партійно-просвѣтительной педагогіи. И это было неизбѣжно, это было создано вовсе не личными склонностями ораторовъ, а неотложной психологической потребностью массы. Иное, конечно, дѣло третья забастовка. Да, она сразу вошла въ жизнь, какъ попытка рѣшительнаго „прямого дѣйствія“ съ ярко выраженнымъ *наступательнымъ* характеромъ. Но за то она и кончилась полной неудачей...

Но вѣдь это — скажутъ намъ—умаленіе тогдашнихъ событій! Оно можетъ вырасти только на почвѣ послѣреволюціоннаго пониженія духа!—Ни мало. Далеко не во всѣхъ историческихъ событіяхъ значеніе ихъ измѣряется степенью ихъ силы, какъ физическаго давленія на власть. Ю. Каменевъ все старается уколоть насъ какимъ-то сходствомъ съ „вѣховцами"—худшаго чего же придумать? Но, увы! есть дѣйствительно одинъ пунктъ, въ которомъ мы у вѣховцевъ найдемъ больше пониманія смысла пережитого періода, чѣмъ у нашего усерднаго оппонента.

Въ своей книжкѣ „Patriotica", смотря „поверхъ текущаго момента" и видимаго „фіаско революціи", П. Струве констатируетъ колоссальный *духовный сдвигъ* страны. „Русская революція тѣмъ-то и была революціей, что въ ней закрылась та пропасть между интеллигенціей и народомъ, о которой говорили славянофилы". „Интеллигенція оказалась революціонно-народнической, а народъ—народникомъ и революціонеромъ... Я говорю это совершенно объективно. Я—не „народникъ" и не „революціонеръ". Ни ту легкость, съ какой на народническую проповѣдь интеллигенціи откликался и откликается народъ, ни то легкомысліе, съ которымъ интеллигенція соціальные инстинкты массъ въ ихъ, въ сущности, наиболѣе примитивной формѣ превратила въ свои „ученія" и „программы", я не считаю историческимъ счастьемъ для Россіи. Но факты—нравятся ли они намъ, или не нравятся—остаются фактами"...

Оцѣнки у г. Струве и у насъ, конечно, совершенно противоположны. Тамъ, гдѣ для него „легкость" и „легкомысліе"—для насъ часто живое чутье жизни; тамъ, гдѣ для него „примитивизмъ"—для насъ часто органичность и естественность здороваго жизненнаго процесса; гдѣ для него мерещится несчастье Россіи—для насъ, наоборотъ, свѣтитъ ея счастье. Онъ только отмѣчаетъ отрицательнымъ знакомъ, знакомъ минуса, но умѣетъ въ полной мѣрѣ понять и прочувствовать тотъ огромный историческій сдвигъ, всецѣло духовнаго характера, который, тѣмъ не менѣе, даетъ русской революціи право называться революціей...

И если Ю. Каменевъ, загипнотизированный спекторомъ недооцѣнки событій нашего недавняго Sturm-und Drang-Period'а, усматриваетъ здѣсь признаки „послѣреволюціоннаго каценъ-яммера", то онъ умудряется понимать вещи какъ разъ наоборотъ. Тотъ, кто весь смыслъ этого періода усматриваетъ въ прямой попыткѣ силой измѣнить режимъ и поставить у государственнаго руля новую общественную силу, не можетъ придти къ иному заключенію, кромѣ какъ къ тому, что мы остались „у разбитаго корыта". И чѣмъ шире была его вѣра въ непосредственный успѣхъ,

тѣмъ горше для него должно было явиться по-революціонное похмѣлье. Тотъ же, кто видитъ главный смыслъ тогдашняго момента въ огромномъ духовномъ сдвигѣ; тотъ, для кого прямыя активныя выступленія того времени носили характеръ лишь авангардныхъ стычекъ, далеко предупредившихъ по времени наступленіе настоящихъ рѣшающихъ столкновеній, можетъ подвести лишь самые утѣшительные и ободряющіе итоги. Но мы какъ разъ и доказывали, что разсматривать событія 1905—1906 гг., какъ неудавшуюся физическую революцію, невозможно, что такая фаза для Россіи въ то время была еще преждевременна, что событія эти можно и должно разсматривать, лишь какъ вполнѣ удавшуюся предварительную фазу, какъ историческое преддверіе будущаго, рѣшающаго движенія. Это и значитъ, что надо „взглянуть на ту эпоху трезвыми глазами, не предъявлять къ ней неосуществимыхъ требованій и не судить ее съ точки зрѣнія зародившихся въ ея бурѣ иллюзій“, какъ мы уже писали раньше.

Но эти то наши слова и взволновали Ю. Каменева до полной утери способности читать написанное чернымъ по бѣлому, и, читая, понимать.

„Призывъ къ трезвости плохо прикрываетъ доподлинный смыслъ сейчасъ приведенныхъ словъ. Вѣдь эти слова не болѣе, какъ попытка самооправданія передъ вѣховской критикой. Не судите-де насъ строго. Мы сами отказываемся судить о той эпохѣ съ точки зрѣнія зародившихся въ ея бурѣ иллюзій. Вѣдь что же выходитъ? Кто питалъ иллюзіи? По признанію В. Чернова—лѣвые. Выходитъ вѣдь, что одинъ изъ вождей партіи, сугубо претендовавшихъ на лѣвизну, В. Черновъ обращается къ русскому обывателю съ просьбой простить ему *его иллюзіи*, выходитъ, что В. Черновъ отказывается самъ судить ту эпоху съ *своей* точки зрѣнія. Это полная капитуляція передъ вѣховской критикой!“

Нечего дѣлать, необходимо прибѣгнуть къ самому популярному способу разъясненія, доступному для самыхъ непонятливыхъ: къ иллюстраціямъ.

Былъ такой писатель, М. А. Энгельгардтъ. Событія 1905—1906 гг. взвинтили его до самыхъ крайнихъ границъ радикализма: до чисто максималистскихъ чаяній и упованій. Улеглись эти событія—и смятеннымъ духомъ бѣднаго писателя овладѣлъ немедленно самый настоящій пореволюціонный katzenjammer.

Прислушайтесь, какъ самъ онъ разсказываетъ исторію своего духовнаго кризиса:

„Помню, какъ въ теченіе 1904—1905 гг. съ недовѣріемъ, съ колебаніемъ отмѣчали мы, публицисты, послѣдовательное присоединеніе къ движенію все болѣе и болѣе широкихъ круговъ населенія: городской буржуазіи, рабочихъ, крестьянства.

„Такъ ли? вѣрно ли? Да. вѣрно: пришелъ конецъ старому, изжитому. Проснулся народъ.

„Была тутъ и радость, и испугъ.

„Одни думали: всталъ Илья Муромецъ! Конецъ.

„Другіе скулили: всталъ сильный Самсонъ, но вѣдь онъ слѣпъ, крикнетъ: погибни, душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами!—и обрушитъ капище Дагона, и погубитъ себя, а главное—насъ. Эти трусили.

„Но и тѣ, и другіе ошиблись. Народъ, русскій народъ показалъ себя въ этомъ покушеніи на революцію не Ильей Муромцемъ, а всего только Поприщинымъ, который вообразилъ себя Фердинандомъ VII, королемъ испанскимъ, и давай чертить. Начальство опѣшило... а тамъ, видя, что Поприщинъ только Поприщинъ, собралось съ духомъ. „Я тебѣ покажу, какой ты испанскій король!“ И показали!

„Мы думали, передъ нами вулканъ, онъ оказался пузырь! Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ, и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ“...

Вотъ лучшій примѣръ суда надъ событіями „съ точки зрѣнія создавшихся въ ихъ бурѣ иллюзій“.

Вы видите, что стремительному подъему движенія авторъ сначала противостоялъ „съ недовѣріемъ, съ колебаніями“. И резонно, ибо когда же это въ исторіи бываетъ, что не было ни гроша, да вдругъ—добро бы алтынъ, а то цѣлый милліонъ! Съ неба такія богатства не падаютъ. Къ сожалѣнію, спасительное „недовѣріе и колебанія“ длились недолго. И вещи, возможныя только въ сказкахъ: превращеніе сиднемъ сидѣвшаго полжизни Ильи Муромца сразу до всемогущаго богатыря, запрятывающаго властнаго Соловья-разбойника въ торбу и очищающаго всѣ пути-дороженьки отъ вражьей силы,—стали принимать за реальную историческую дѣйствительность. Кто же виноватъ въ этомъ? Народъ, что-ли? Это почему? Онъ зналъ свое дѣло, только продиралъ глаза, оглядывался, протягивался съ вѣкового просонья, плохо оріентируясь въ событіяхъ, только начиная разбирать друзей и враговъ, и не зная еще, съ какого конца приступиться къ исканію своей „таланъ-долюшки“. Кто же оказался *Поприщинымъ?* Да ужъ никакъ не народъ, а развѣ лишь тѣ оторванные отъ него интеллигенты, которые не выдержали перехода отъ гроша къ мнимому милліону. Это у нихъ „вскружилась голова, отъ радости въ зобу дыханье сперло“, а въ головѣ началось такое восторженно-максималистское броженіе, что принялись они скакать, какъ выражался Герценъ про Бакунина, изъ перваго мѣсяца исторической беременности въ девятый, въ своихъ теоретическихъ революціонныхъ сапогахъ-скороходахъ, семимильными шагами, черезъ лѣса и горы, задравши голову выше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Не пузырь былъ подъ ними, а подлинный вулканъ, только

не давалъ онъ никому подписки вслѣдъ за первымъ подземнымъ гуломъ, клубами пара, дыма, и выбрасываніемъ камней и шлаковъ внутреннимъ колебаніемъ уровня лавы дать немедленно полное изверженіе. Такія изверженія по заказу не бываютъ. И вотъ, немедленно явились разочарованные, успѣвшіе давно позабыть о своихъ здравыхъ „недовѣріяхъ и колебаніяхъ", и учинили ему допросъ съ пристрастіемъ: „какой же ты послѣ этого вулканъ, если ведешь себя не по-вулкански?" И, сорвавши на немъ злобу, успокоились и сложили на пустой груди безполезныя руки. „Пузыремъ"-то оказалось ихъ собственное эфемерное революціонное настроеніе: раздувалось до такой степени, что благополучно лопнуло...

Вотъ что называется создать себѣ иллюзіи и потомъ съ ихъ точки зрѣнія судить о событіяхъ. М. А. Энгельгардтъ призвалъ къ суду народъ. Люди массы и ловкіе демагоги часто призывали къ такому же суду интеллигенцію. А безпартійный обыватель призывалъ къ суду партіи. Словомъ, всякій кликалъ къ суду *другого*, когда—если ужъ искать виноватаго—были всѣ виноваты и никто не виноватъ. А, главное, самый судъ то былъ неправильный. Судили то народъ, то интеллигенцію, то партіи—за то, что они не сдѣлали *историческако чуда*...

Ю. Каменевъ такъ настойчиво гвоздитъ, будто наша точка зрѣнія есть капитуляція передъ вѣховской критикой (вотъ ужъ, поистинѣ, „радъ зайка, что желѣзце нашелъ!"), что надо же, наконецъ, и объ этомъ сказать два слова. Вѣховская критика повторяетъ лишь ошибку Энгельгардта, но въ другую сторону: Энгельгардтъ судилъ народъ, вѣховцы стали учинять судъ надъ интеллигенціей. Даже П. Струве обрадовался случаю воскликнуть: „не будучи вовсе народникомъ, я долженъ сказать, что дѣйствительная исторія происходила какъ разъ обратно: *народъ сдѣлалъ все*, а *интеллигенція все проиграла*". Только Энгельгардтъ *бухнулъ* свое разочарованное слово безъ всякой задней мысли,—было больно и хотѣлось кричать,—а вѣховцы на чужомъ пожарѣ разсчитывали и разсчитываютъ погрѣть руки *). Наша же точка зрѣ-

*) Кстати о М. А. Энгельгардтѣ. Послѣ его покаянно-разочарованной статьи, произведшей одно время впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, его только лѣнивый не лягалъ. Иные даже поставили надъ нимъ навсегда крестъ, какъ надъ политическимъ мертвецомъ. Но такое отношеніе было бы уже слишкомъ жестоко. Всегда, когда мнѣ приходилось думать о публицистической дѣятельности этого безспорно талантливаго писателя, мнѣ вспоминался у Лѣскова отзывъ отца-регента о дьяконѣ Ахиллѣ: „басъ у тебя хорошій, точно пушка стрѣляетъ, но непомѣренъ ты до

нія, *не устраняя вполнѣ* вопроса объ ошибкахъ тактики въ тѣ незабываемые дни, объясняетъ крушеніе „максимальныхъ“ обывательскихъ и революціонныхъ надеждъ болѣе глубокими причинами: тѣмъ основнымъ соотношеніемъ силъ, которое не давало права сразу распроститься съ „недовѣріемъ и колебаніями“ и переходить отъ нихъ къ самой необузданной и безграничной вѣрѣ. Тактическія ошибки, конечно, *ускорили и облегчили* реваншъ контръ-революціи, но не онѣ его *создали*. Эти тактическія ошибки необходимо выяснить: выяснять ихъ мы уже начали и продолжимъ наше дѣло, какъ бы ни кричали Ю. Каменевы въ священномъ ужасѣ, что и вѣховцы говорятъ объ ошибкахъ революціонной тактики. Надо больше заботиться о существѣ дѣла и меньше о томъ, что будетъ говорить вѣховская княгиня Марья Алексѣевна. Мы ею не такъ запуганы и не такъ загипнотизированы, чтобы заподозрить даже табличку умноженія въ коварствѣ и антиреволюціонныхъ ухищреніяхъ, когда оказывается, что и вѣховцы ее пріемлютъ. Намъ было бы, наконецъ, нетрудно показать, что мы не дожидались никакой вѣховской критики и въ самый разгаръ событій 1905 —1906 гг. говорили многое изъ того, что говоримъ теперь, и многія изъ нашихъ предостереженій, къ несчастью, сбылись. Если мы этого не дѣлаемъ, если мы съ самаго начала радикально устранили эту сторону дѣла изъ плоскости нашего обсужденія, то это лишь потому, что не хотѣли *принижать* дебатовъ, припутывая къ нимъ какое бы то ни было фракціонное или индивидуальное политическое самолюбіе. Мизерные счеты о томъ, кто былъ въ свое время дальновиднѣе и осторожнѣе, намъ глубоко противны. Важно не то, кто ошибался больше, кто меньше: безошибочно, какъ это всегда бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ, все равно вѣдь, не дѣйствовалъ никто. Важно лишь опредѣлить *въ чемъ* (а не *у кого*) заключались ошибки, чтобы всѣ равно въ будущемъ могли ихъ избѣжать.

Вотъ что всего ужаснѣе въ томъ легкомысленномъ стремленіи отмахнуться отъ изслѣдованія ошибокъ прошлаго, которымъ продиктовано, которымъ дышетъ вся статья Ю. Каменева—такъ это зловѣщее предзнаменованіе для будущаго. Въ числѣ „дѣтскихъ

страсти, такъ что я даже не знаю, какъ мнѣ черезъ твою непомѣрность съ тобою по достоинству и обходиться“. Во всей этой плачевной исторіи М. Энгельгардтъ сдѣлался только жертвой этой самой своей „непомѣрности“. Урокъ жестокій—и заслуженный. Надо надѣяться, однако, что онъ пойдетъ впрокъ, и что нашъ авторъ вернется въ текущую публицистику, обогащенный тѣмъ горькимъ жизненнымъ опытомъ, который даетъ за то прочную и твердую самодисциплину.

болѣзней“ всякаго молодого движенія стоитъ на видномъ мѣстѣ та претензія на непогрѣшимость, то упрямое стремленіе отстаивать и оправдывать себя во всѣхъ путяхъ своихъ, которыя создаютъ людей, несмотря на весь горькій опытъ ничего не забывающихъ и ничему не научающихся. Суровый, но заслуженный приговоръ произнесъ надъ ними еще Герценъ: *„нагрузивъ себѣ на плечи тысячи ошибокъ, они ихъ до сихъ поръ оправдываютъ: лучшее доказательство, что они ихъ повторятъ“*.

И повторяютъ. Мы неоднократно указывали, что одной изъ самыхъ главныхъ ошибокъ прошлаго было раздробленіе силъ и трата ихъ въ междуфракціонныхъ распряхъ. Какъ говоритъ одинъ изъ персонажей Лѣскова: „Намъ тѣ враги не страшны бы, когда бы мы сами другъ друга ѣсть обѣщанья не сдѣлали“! И потому, въ качествѣ одного изъ выводовъ анализа ошибокъ прошлаго, мы выдвинули насущный вопросъ о *войнѣ противъ войны* въ нашихъ собственныхъ рядахъ, о необходимости, о насущности возможно болѣе тѣснаго *единенія*. Что отвѣчаетъ на это Ю. Каменевъ и его товарищи?

О, онъ даетъ отвѣтъ по истинѣ великолѣпный. Отъ имени „класса населенія, который идетъ во главѣ освободительнаго движенія“ онъ отвѣчаетъ намъ, что наши схемы и наша мораль анализа прошлаго для него непріемлемы: но, можетъ быть, и то, и другое очень недурно отражаетъ мысли и настроенія отсталыхъ элементовъ движенія, именно „мѣщанъ городка Окурова“ и „жителей деревни Дурновки“ (имена, заимствованныя нами изъ произведеній М. Горькаго и И. Бунина). Такъ *поворачиваетъ* онъ наше приглашеніе *въ тактикѣ* разсчитывать не только на силы передового авангарда, но и на слѣдующія за нимъ главныя массовыя силы, вплоть до *арьергарда*, до „отдаленной периферіи“ движенія. И, по испытанному шаблону, зачисливъ насъ въ идеологовъ этихъ элементовъ со всѣми ихъ предразсудками, онъ получаетъ гордый лозунгъ: *„не сотрудничество*, а упорное разъясненіе этихъ предразсудковъ—вотъ задача даннаго момента“.

Вы видите, что это—люди безнадежные. „Объединеніе соціалистическихъ фракцій“ Ю. Каменевъ величественно объявляетъ „пустымъ, въ сущности, мѣщанскимъ благопожеланіемъ“. „Нельзя объединить сознанія передового класса съ предразсудками отсталыхъ элементовъ движенія. Мѣщанство—думать, что „объединеніе“ наверху разрѣшитъ хоть что-нибудь въ столкновеніи различныхъ—передовыхъ и отсталыхъ—элементовъ внизу“.

Ю. Каменевъ жестоко ошибается, мы не такъ наивны, чтобы разсчитывать, будто дѣло объединенія пойдетъ *сверху*. Нѣтъ, оно

пойдетъ *снизу*. Рабочая масса, умственно растущая трудовая демократія—вотъ кто въ лозунгѣ единенія ощутитъ и узнаетъ „крупную мораль крупныхъ событій“ прошлаго. И я беру на себя смѣлость предсказать, что въ этихъ демократическихъ низахъ сознаніе необходимости *сотрудничества* всѣхъ развѣтвленій трудового движенія будетъ безостановочно расти, какъ бы ни старались аматеры межфранціонной драки этому „сотрудничеству“ незаконно противопоставлять „разъясненіе предразсудковъ“. И рано или поздно движеніе въ эту сторону станетъ настолько сильнымъ, что *заставитъ* послѣдовать за собою и верхи. О, я знаю, что „верхи“ не пойдутъ такъ-таки просто и добровольно. О нѣтъ, они будутъ упираться. Всякій мнимо теоретическій шумъ въ собственныхъ ушахъ они будутъ наивно превращать въ громадный, первенствующій вопросъ пролетарскаго движенія, передъ которымъ должны посторониться всѣ мизерные, практическіе вопросы, всякое свое разногласіе, хотя бы происходящее изъ взаимной придирчивости буквоѣдовъ, они будутъ возводить къ огромнымъ „общимъ началамъ“, къ взаимоотношеніямъ между „чистопролетарскимъ ядромъ“ движенія и „сторонней буржуазной примѣсью“. Мы видѣли въ началѣ этой статьи, сколько вопросовъ кардинальной важности еще не выяснили между собою Ю. Каменевъ и Л. Мартовъ. Пусть весь пролетаріатъ въ одинъ голосъ будетъ кричать имъ, чтобы они бросили это скандальное времяпрепровожденіе,— чего ожидать ему отъ нихъ, кромѣ отклика въ духѣ строгой дѣтской сказки:

Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку додраться!
Распроклятый тотъ карась
Поносилъ меня вчерась
При честномъ при всемъ собраньи
Бусурманской разной бранью...

„Но что же дѣлать? Различіе въ нашихъ убѣжденіяхъ...“— „Скажите лучше: сходство въ вашихъ самолюбіяхъ“. Этотъ діалогъ припомнился мнѣ невольно при чтеніи современныхъ полемическихъ упражненій.

„Схлынувши, волна великаго народнаго движенія должна была оставить за собой массу отбросовъ и дряни... жаждой и вкусомъ къ пряной сенсаціи, подмѣняющей политику... съ любовью къ между фракціонной склокѣ... Запросъ вызвалъ предложеніе—и эта „проказа“ „съѣла былого революціонера и выростила типическій продуктъ разлагающейся эмигратнской кружковщины... съ головой погрузившагося въ обсмаковываніе скандальчиковъ...“

Такъ писалъ Ю. Каменевъ, кивая на своего оппонента, Л. Мартова, и такъ же, приблизительно, писалъ Л. Мартовъ, въ свою очередь кивая на Ю. Каменева. Что же? Неужели, до нѣкоторой степени, *оба правы*?

Или, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ мы—безнадежные духовные мѣщане, не понимающіе, что это-то и есть необходимое для пролетаріата, какъ воздухъ, какъ пища—„не сотрудничество, а разъясненіе“ глубочайшихъ соціальныхъ противорѣчій переживаемой дѣствительности.

Нѣтъ большаго грѣха, какъ хула на Духа Святаго,—говорятъ христіане. И мы скажемъ, что нѣтъ большаго грѣха передъ движеніемъ, какъ прицѣплять ко всякимъ мелкимъ полемическимъ распрямъ героевъ сектанской кружковщины великія слова о высшихъ интересахъ пролетаріата и его мірового дѣла Это тоже „хула противъ духа“ рабочаго движенія, который есть не духъ розни и разъѣдающей взаимной ненависти, а духъ единенія, требующаго пожертвованій многимъ изъ „личнаго“. Онъ требуетъ самодисциплины не только отъ массы, а прежде всего отъ тѣхъ, кто претендуетъ на роль политическихъ вождей и литературныхъ лидеровъ движенія. Кто не способенъ къ самодисциплинѣ *добровольной*, того дисциплинируетъ внѣшнее давленіе массового общественнаго мнѣнія. И, сколько бы препятствій ни состояло поперекъ дороги дѣлу будущаго „объединенія“, про него можно со спокойной и твердой вѣрою сказать: „А все таки оно движется!“

Я. Вѣчевъ.